

Пролог

ЛУНА И ВОРОН

Не боги создали Дэвлат, а сам Дэвлат сотворил богов, чтобы они защищали людской род.

У нашего мира есть своя воля, но обращает он свое внимание лишь на некоторых из нас.

«ЛЕГЕНДЫ ДЭВЛАТА»

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ СНОВ

Раз в месяц, в день ярмарки, жизнь кипела в Фатсаре, как ни в одно другое время. Новые прилавки устанавливались всю ночь, а уже ранним утром торговцы спешили занять свои места. Особенно предприимчивые растягивали между домами плакаты с указывающей в верном направлении стрелкой, призывающие купить их товар. «Ром, ром, ром — серебряный, янтарный, черный!» или «Обереги и талисманы! Дешевле не найдете!» — гласили они.

Папа всегда твердил, что от продавцов, пытающихся всучить волшебный товар, не стоит ждать добра. Почти все они шарлатаны и бездельники. Не стоит надеяться, что колдовские предметы окажутся на рынке маленького городка. Даже если это произойдет, стоять они будут баснословно дорого. И их все равно обязательно купят, чтобы перепродать кому-нибудь в столице.

Еще отец настоятельно советовал не заглядывать на улицу, где продают вино. Хотя она всегда манила больше других, ведь все на ней говорило о достатке и чувствовалась витавшая в воздухе магия. Столы и настилы, позволявшие держать товар в тени, были укрыты золотой тканью, отчего бутылки вина, выставлен-

ные на продажу, будто подсвечивались изнутри. Красивые этикетки расписывали вручную. Но простые люди, как и мы, зачастую не рисковали заходить туда из-за постоянных покупателей, что обязательно прибывали на ярмарку.

— Домашнее вино, ввозимое в Фатсар, считается одним из лучших, — сообщил папа, когда я впервые оказалась на рынке. Мне было всего девять, я сидела на передке телеги, болтая ногами, и рассматривала улицу, выложенную брусчаткой, от которой телега тряслась так, что приходилось вцепляться в скамейку. — Поэтому даэвы нередко заезжают на ярмарку, особенно если она оказывается им по пути.

До того дня я ни разу не видела их. Гидеон, сын нашей соседки, говорил, что если обмолвиться с даэвом хоть словом, то на тебя падет проклятие. Твоя душа станет лакомым кусочком для энергии Серого мира, что обязательно сотворит из тебя монстра. И тогда ты станешь темной тварью, чьи алые глаза смогут убивать одним лишь взглядом.

— Чепуха! — возразил отец, когда я рассказала ему о страшилках, гулявших по деревне. — Не верь всему, что говорят, Сара. Люди любят судачить, особенно о том, чего не понимают. У страха глаза велики.

Я серьезно кивнула. Так и знала. Гидеон вечно болтал глупости, пересказывая истории своей мамы.

Папа потрепал меня по волосам.

— Они правда не причинят нам вреда? — на всякий случай уточнила я.

— Нет. Только если ты отнесешься к ним без должного уважения. Тогда они могут разозлиться. Но на такую милую девочку никто не будет держать зла.

— Папа!.. — возмутилась я.

— Думаешь, почему Гидеон за тобой хвостиком ходит?

Я вся покраснелась, насупилась. А отца это только насмешило.

— Только не бей его, — предупредил папа.

Его карие глаза смотрели на меня с любовью, улыбка пряталась в пышной бороде. Он опустил руку, которую я проводила взглядом. Его ладонь с отчетливо видневшимися застарелыми мозолями показалась мне удивительно большой.

— Я не думала...

— Я знаю, что у тебя на уме, дорогая, — прервал отец. — Не надо. Если ты сильнее кого-то, то это повод защищать, а не обижать тех, кто слабее. Гидеон всего лишь мальчишка, и не надо воспринимать все его поступки всерьез.

— Даже если он закидывает окна моей спальни грязью из свинарника? — невинно произнесла я.

— Даже если... — Лицо папы вмиг посуровело: — Подожди-ка, что он делает?

Я повторила.

— Вот же негодник, — покачал головой отец и хитро взглянул на меня. — Нет, ну тогда ты можешь его немного напугать. Немного, Сара. Так, как мы с тобой договаривались. Поняла?

— Да, папа, — ответила я, заговорщицки улыбаясь в ответ.

Наша телега остановилась в одном из ответвлений улицы, на которой велась основная торговля. Прилавки, сколоченные из досок, выглядели не так аккуратно, как те, что стояли в самом сердце ярмарки, и обшарпанные вывески почти не пестрели объявлениями. Роль украшений выполняли цветные флажки, некоторые из которых истерлись и даже порвались и жалко колыхались под порывами слабого ветра.

Я слезла с облучка, жадно вдыхая аромат лаванды, щедро смешавшийся с запахом свежей выпечки. Папа расплатился с важным на вид человеком с отстраненным выражением лица, вытащив из кошелька несколько монет.

Торговые места в этой части города были дешевле, чем на главной улице. Но даже не деньги являлись

основной проблемой — местный управляющий лично определял, кто достоин продавать свой товар там, а кто нет. Мы были недостойны.

С тех пор как чуть больше года назад отец стал брать меня с собой, последняя суббота месяца стала моим любимым днем. Субботняя ярмарка, которую отменяли только на зимнее время.

— Сара! Поможешь мне?

— Да, папа!

Перестав гипнотизировать торговцев сладостями горящим взглядом, я кинулась вытаскивать товар из телеги. Внутри находилось все то, что изготавливали в деревне и добывали в лесу поблизости: сушеные травы, шерсть, пряжа, домашняя утварь и разные изделия из металла, созданные нашим кузнецом.

Большинство жителей никогда не покидали Предфор. Лет десять назад возле поселения проходила крупная дорога, которой перестали пользоваться, когда на картах появился новый маршрут, и поэтому деревня оказалась отрезана от мира. Но люди упорно не желали покинуть насиженные места, отчего научились жить самостоятельно, создавая собственными руками все необходимые в хозяйстве приспособления и лишь иногда довольствуясь товарами из других мест.

Эту непростую ношу — часто находиться в разъездах, снабжая весь Предфор все же необходимыми порой товарами, — взял на себя отец. Правда, мне путешествовать нравилось, а страх жителей деревни перед большим миром казался смешным.

— Бери только легкое, — предупредил отец, беспокоясь скорее не о моем здоровье, а о моральном спокойствии окружающих. Мне недавно исполнилось десять, но папа утверждал, что я сильнее любого сверстника и должна это скрывать.

На вопрос «почему» он отвечал, что я *особенная* и простые люди этого не поймут.

В такие секунды его взгляд тускнел, а потом он заводил странные речи о том, не хотела ли бы я поки-

нуть деревню. Поначалу я лишь отказывалась, не веря, что отец говорил всерьез. Потом же стала злиться, ведь я ни за что не собиралась оставлять его одного.

Когда все товары оказались выложены на прилавок, я вновь осмотрела улицу, где на углу продавали ярко-красные, бликующие в слепящем солнечном свете яблоки в карамели.

Попробовав их в прошлом году, я ужасно расстроилась, когда не отыскала сладость весной. Лишь потом отец рассказал, что их продают только после сбора урожая.

— Можешь пойти погулять. Только далеко не отходи, — действительно произнес папа. — Ты ведь знаешь, куда ходить не следует?

— Да, — рьяно кивнула я, с готовностью перечисляя: — На улицы с вином, оружием, и не уходить дальше прилавков с кожаненными изделиями.

— Молодец, — улыбнулся отец. — И долго не гуляй, иначе я буду беспокоиться. Хорошо?

— Да, — с готовностью откликнулась я.

— Какая нетерпеливая. — Он протянул мне несколько медных монет: — купишь чего-нибудь... Кулон с собой?

Я вытащила медальон из-под воротника рубашки, заправленной в сарафан. Полумесяц покачивался на толстой цепочке. Металл, из которого он был выполнен, немного потемнел — отец намеренно покрыл его каким-то раствором, чтобы он стал непривлекательным для воришек. Но папа говорил, что это украшение дорогое и мне стоит его беречь. И ни за что нельзя потерять.

— Ладно, беги. Но будь осторожной, — поспешно предупредил папа, отвлекаясь, — к нашему прилавку подошел первый покупатель.

Я отвернулась и широким шагом отправилась к выделенным яблокам, которые выглядели как большие алые ягоды на палочках. Купив сразу три штуки и потратив половину выданных монет, я с довольным видом отправилась гулять по рынку.

Зазывали кричали, стараясь привлечь покупателей с кошельком потолще. Последние выделялись из толпы своей комплекцией и видом — ходили словно большие нахохлившись птицы, важно разглядывая все вокруг. Уличные артисты жонглировали, используя в качестве снарядов те же яблоки — красные или зеленые, но без слоя карамели.

Я остановилась, наблюдая, как подлетают вверх фрукты. Но избалованный народ Фатсара проходил мимо — их уже было не удивить обычным жонглированием. А вот девушка, занимавшаяся плетением браслетов из ленточек, собрала вокруг себя немало местных жительниц.

Доедая второе лакомство и как раз проходя мимо темного переулка, я остановилась, заметив там группу ребят. На вид все были примерно моего возраста.

Толпа мальчишек в тени окружила беловолосую девочку в длинном плаще, что стояла спиной к выходу на оживленную улицу. Самый старший ходил около нее, как ястреб, и улыбался.

Я уже сталкивалась пару раз с этими задирами, которые так и норовили отобрать папины деньги, выданные мне в начале дня. В первый раз у них получилось. Во второй я уже была умнее, не позволив заманить себя вот в такой закуток.

Я внимательно оглядела тесный тупик. Найдя взглядом вдалеке прилавки отца, возле которого стояла очередь из покупателей, я тяжело вздохнула и крепче сжала деревянную палочку с яблоком в карамели. Отвлекать папу от работы я не собиралась, ведь не так часто бывал такой наплыв людей.

Грустно взглянув на сладость, проверила монетки, спрятанные в широкий пояс сарафана, — в этот раз я подготовилась, пришив на внутреннюю сторону кармашек.

Заходить в темень жутко не хотелось, но и мимо пройти совесть не позволяла. Здоровяк уже тыкал бедную девочку в плечо, пройдя стадию театральной

любезности. А девочка была еще ниже, щуплее меня и наверняка младше.

Я быстро подошла к прилавку неподалеку и, отдав половину своих монет, забрала пакет с пряностью. И лишь потом стремительно направилась на выручку незнакомке.

— Мы же друзья. Тебя должны были научить, что с друзьями следует делиться. Денег у тебя много, почему бы не отдать нам хотя бы половину? — услышала я, нырнув в полутьму.

Отец всегда учил меня, что дурные поступки делают нашу душу меньше. И бездействие тоже отщипывает от нее кусочек. Поэтому у плохих людей от души почти ничего не остается. Богиня света Эсмירה никогда их не примет, зато бог тьмы Фародей с радостью распахнет свои объятия.

— Вы бы работать пошли. На рынке любому дело найдется, — громко произнесла я, наблюдая, как растягиваются в улыбке толстые губы мальчишки при виде меня.

— Снова ты? — Его взгляд устремился к палочке с яблоком в моей руке. Черные глаза заблестели. Он оглянулся на остальных ребят, что теперь собрались у стены дома, усевшись на каменном выступе.

Я тяжело вздохнула, крепясь духом. В первый раз эта свора меня сильно напугала. Вот и теперь, смотря на девочку, что замерла на одном месте словно статуя, я подумала, что она не может шевелиться от страха.

Попробовала бы хоть сбежать, пока я их отвлекаю!

— Хочешь? — Я помахала сладостью перед самым носом мальчишки. — Возьми. А мы уйдем.

Тот выхватил у меня яблоко, но тут же пробурчал, задрав нос, с самым паршиво сыгранным великодушием:

— Можете идти восвояси. Когда поделитесь половиной своих денег.

Его дружки загоготали. Только теперь, видя, как эти ребята вытянулись за последние месяцы, я поняла, что они старше меня на два-три года, не меньше.

— Ладно, — расстроено сказала я, запуская руку в карман сарафана.

Горловина мешочка была развязана и только ждала своего часа. Рука проникла внутрь, стараясь зачерпнуть как можно больше пряности. Почти все, что хранилось внутри.

— Поторопись, — лениво протянул мальчишка и, отвлекшись на незнакомку, вновь пихнул ее в плечо. Похоже, это стало последней каплей.

— Вы настоящие идиоты, — вдруг процедила она угрожающим тоном, и ее голос показался мне неожиданно низким. Но времени задумываться не было. Все внимание задиры обратилось к ней, а я только этого и ждала.

И швырнула порошок в лицо мальчишке. Тот вскрикнул, растирая глаза и делая хуже, а я вцепилась в руку незнакомки:

— Бежим!

Не оборачиваясь, потянула ее за собой. Благо она оказалась сообразительной, и вскоре мы выскочили на главную улицу, несясь прочь под крики и шум погони, которые стихли, стоило нам оказаться в людном месте, заглушенные звуками ярмарки.

Единственной ошибкой стало то, что мы повернули не в сторону прилавка моего отца, а в противоположную. Но и там я знала местечко, в котором можно было затаиться. Все-таки я приезжала в Фатсар не в первый раз.

Мы протиснулись между торговыми местами к окнам ремесленной лавки и свернули вбок. Я отодвинула край тканой вывески, что прятала за собою еще один закуток, заставленный деревянными коробками со склада магазина.

— Фух, — выдохнула я, расслабляясь и отпуская руку девочки. — Здесь они нас не найдут, — заявила, чувствуя себя так, будто совершила настоящий подвиг и спасла едва ли не полмира.

Запрыгивая на коробку и усаживаясь поудобнее, я подняла взгляд.

— Привет, — сказали мне, когда я в ужасе уставилась на объект своих подвигов. Который, между прочим, оказался совсем не бедной девчушкой, а мальчишкой с задорной улыбкой на устах.

Глаза его были цвета тумана, что стелется по утрам во все еще сонном лесу.

— Ты мальчик, — опешила я, смотря на миловидное лицо, в котором уже угадывались мужественные черты.

Он отличался от всех, кого я встречала раньше. Пусть он и выглядел необычно с этими длинными, как у мамы Гидеона, волосами, но, в отличие от моего соседа, был на удивление складно сложен.

— Ты почему не сбежал?! — накинулась я на нового знакомого, рассматривая его плащ. Он плотно запахивался у горла, а полы едва не волочились по земле. — Испугался? — сощурилась с подозрением.

— Нет, конечно, — отмахнулся мальчишка, забираясь на коробку и садясь рядом. — Я наблюдал. Мне было интересно.

— Интересно, побьют ли тебя?

Он рассмеялся. Смех у него оказался звонким. По рукам у меня пошли мурашки. Я нахмурилась — все же он был странным.

— Нет. Я никогда раньше не сталкивался с человеческими детьми. Мне рассказывали, что они слабые и их ни в коем случае нельзя обижать. Но мне всегда было любопытно, какие они вживую, — продолжил он с восторгом. — И поэтому, когда ко мне подошли на рынке и предложили прогуляться, я с радостью согласился.

— Ну ты и глупый! — Теперь уже рассмеялась я, хватаясь за живот и едва не падая с коробки. — Нельзя так доверчиво следовать за незнакомцами!

— Ну, за тобой же я тоже пошел, — возразил он, и его улыбка сделалась очаровательнее, заставляя проступить ямочки. Я засмотрелась.

И вдруг почувствовала, как *моя тайна* проснулась.

Когда это произошло впервые, я гуляла в лесу около речки. Сидела на берегу, вытаскивая красивые камушки из воды, когда неожиданно ясно ощутила чужое присутствие — Гидеон следил за мной из кустов. Отделавшись от прилипалы, я сразу же побежала к отцу. Рассказала о случившемся, видя, как стремительно меняется его лицо: он посмотрел на меня растерянно и с недоверием, а потом сказал, что, если подобное повторится вновь, я должна хранить это в секрете ото всех. Ведь это моя тайна.

— Я это я. За мной можно, — негромко произнесла я, важно поднимая подбородок.

— Ну и они всего лишь человеческие дети... — небрежно заявил мальчишка и нахмурился: — Что с тобой? Ты в лице переменялась.

— Все хорошо, — упрямо ответила я, вытаскивая кулон из-под рубашки сарафана и зажимая его в руке. Нагретый металл лег на похолодевшую ладонь. Я глубоко вдохнула, ощущая, как то, что дремало внутри меня, вновь собралось заснуть.

— Можно посмотреть? — спросили у меня.

— Конечно, — с готовностью отозвалась я, хотя еще никому, кроме отца, не позволяла касаться кулона. Мальчишка мне правда нравился, он вызывал неведомое доселе доверие. И мгновение назад я убедилась, что он испытывал схожие эмоции.

Я сняла кулон с шеи. Цепочка тонкой змейкой лежала в ладони. Передав ее мальчишке, я в предвкушении замерла. Когда мама Гидеона случайно увидела кулон — я выпальывала грядку морковки, и цепочка просто выскользнула из-под рубашки, — то очень навязчиво интересовалась, откуда тот у меня взялся.

— Откуда он у тебя? — удивился мальчик.

— Отец подарил. Красивый, да? — довольно сказала я, болтая ногами.

— Любопытный. Символы древние. Но значение мне неизвестно, — серьезным тоном сообщил он.

— Древние? Как ты это понял?

— Меня отец обучает.

— А кто твой отец... — спросила было я, как вдруг насторожилась, услышав знакомые голоса.

Как они нас нашли?

Я быстро оглядела проулок, который, как и прежний, заканчивался тупиком. Решетка, парочка гнилых деревяшек, валявшихся на каменной брусчатке, и несколько водосточков, что уходили под землю и вели к реке. Больше вокруг ничего не было. Куда прятаться, оставалось загадкой.

— Я видел однажды, как она шмыгнула под эту вывеску. Они и сейчас точно спрячутся там, — раздалось совсем близко.

Я уже с решительностью сомкнула губы и сжала кулаки, готовая сражаться.

— Сюда, — вдруг прошипели сверху. Задрав голову, я увидела мальчишку. Он перегнулся через край крыши, упираясь коленями в бордюр. Его голова озарялась солнечным светом, точно нимбом, как на картинах с портретами святых у нас дома. — Давай, я помогу.

Он склонился над самым краем. Я улыбнулась, забираясь на пару коробок выше. Прямо в стенной кладке торчал кирпич. Используя его как опору, я подпрыгнула, собираясь ухватиться за протянутую руку.

«Он меня не выдержит! Я упаду!» — запоздало подумала я. Доверие ослепило меня. Как мальчишка ниже ростом поможет мне подняться? Это невозможно.

Но когда моя рука оказалась в его, все сомнения развеялись.

— Поймал! — с радостью заявил он, натужно улыбаясь.

Я улыбнулась было в ответ, но тут же принялась возмущенно отплевываться — его собранные в хвост волосы, свесившись через плечо, упали на мое лицо и попали прямо в рот.

Он потянул на себя, и вскоре мы вдвоем рухнули на нагретую крышу. Благо осеннее солнце не раскаляло черепицу, как в летние месяцы.

Мы притихли, глядя сначала в небо, а потом друг на друга, даваясь смехом. Внизу, как муравьи, копошились хулиганы. Они разобрали все коробки, считая, что мы спрятались где-то под ними. Мы едва не выдали себя хохотом, когда из черного хода лавки выскочил работник, ругая задир на чем свет стоит и заставляя обратно укладывать ящики так, как они стояли.

В этот миг я подумала, что это один из самых веселых дней в моей жизни. А незнакомый мальчишка, которого я видела впервые, за какой-то ничтожный час стал понимающим другом, которым я так и не обзавелась дома.

«Вот бы он приехал ко мне в Предфор», — мелькнула отчаянная мысль. Но я была уже достаточно взрослой, чтобы не понимать, что этого никогда не произойдет. А еще я знала, что сегодня мы видимся с ним в первый и последний раз.

Стало грустно и одиноко.

— Отстриги их. Зачем мальчишке такие длинные волосы? Тебя засмеют, — с неожиданно вспыхнувшей злостью произнесла я, садясь на крышу и обнимая колени, когда шум внизу затих.

Я соврала. Как раз потому, что они мне, наоборот, безумно нравились.

— Верни мне мой кулон, — требовательно протянула руку я, не смотря на сидящего рядом. И удивилась, позорно шмыгнув носом: — Что ты делаешь?

Мальчишка возился, развязывая тугой шнурок плаща. Совсем скоро в его ладони легла подвеска — ворон с распростертыми крыльями и острым клювом. Птица была гораздо массивнее тонкого полумесяца, зажатого в его руке, но размер звеньев в цепочках оказался одинаковым, и различались они только цветом металла.

Он повернулся спиной, копошась, а когда вновь очутился ко мне лицом, то с самым довольным видом сжимал две подвески, теперь поменявшиеся цепочками. Ворону — светлая, луне — темная.

— Держи, — лишь теперь вернул он мне украшение. — Это мелочь, но пусть напоминает обо мне и об этом дне.

Я забрала кулон, зажимая новую цепочку меж пальцев. Сердце гулко стучало.

— Спасибо, — пробормотала я, представляя, как через много лет, когда уже вырасту, буду вспоминать об этой случайной встрече. Всего лишь цепочка, но она стала чем-то большим... Она стала символом.

Прощались мы спешно — нас уже потеряли родители. Я слышала зов отца, что доносился с другой стороны улицы и практически тонул в гомоне ярмарки. Стоял разгар дня, и торговля процветала. Толпы людей,двигающиеся по улицам, уносили за собой, словно течением реки. Стоило только разойтись, и, оглянувшись, я увидела лишь незнакомые лица.

Я запомнила яркое солнце того дня, облака, невесомые и полупрозрачные, лишь легкой дымкой порой прикрывавшие светило, аромат душистых яблок, корицы и лаванды. Запомнила, как ругал меня переживавший отец, а остыв, потом так же заливисто смеялся, когда я рассказала ему приключившуюся историю. Но вот как выглядел тот мальчишка, вскоре забыла. Он просто остался светлым воспоминанием, которое сохранилось со мной навсегда.

СОРОЛ

*Да услышат наши молитвы,
Вернет Святая Сара плоть и кровь,
Сотрясет мир великая битва,
И изгибнет Черный Змей
В ее объятьях вновь...*

ОТРЫВОК ИЗ БАЛЛАДЫ
«ВЕЛИКОЕ СПАСЕНИЕ»

На первый взгляд Сорол почти не изменился, разве что чуть разросся — деревянные домики беспорядочно выстроились дальше по течению одноименной реки. Многие крыши, покрытые красной глиняной черепицей, были оплетены цветущим вьюнком, в воздухе царил обычная для здешних мест влажность.

У каждого дома, под самым козырьком, висел пучок лаванды, а над окнами внутри жилищ часто виднелись ловцы снов, которые были так популярны в Исонии, где люди верили, что они сдерживают дурные сны.

Я шла по знакомым улицам, будто оцепенев изнутри. Разглядывая часто попадающиеся рисунки на стенах, где от девичьего лика, начертанного белилами, расходились, подобно солнечным лучам, линии. Последние порой заменяли бабочки, что облаком взвивались к ее голове и окружали, создавая подобие венка. Но сильнее всего меня потрясло высокое засохшее дерево с мощным стволом, ветви которого в мое время едва проглядывались из-за густой листвы. Теперь оно стало памятником, и на коре его вырезали имена погибших. Имен было не так много — пара десятков, но для города, соседствующего со светлой обителью Сорель, и этого оказалось достаточно, чтобы понять, насколько выросло влияние тьмы на землях Исонии за прошедшие годы.

Лишь немного придя в себя, я присела на ступеньку какого-то незнакомого питейного заведения, закрытого в дневное время суток.

Сорол всегда отличался буйством красок и общительным нравом жителей, даже разговаривали они, казалось, громче, чем люди в иных местах. Вот и теперь я слышала, как на другом конце улицы переговаривались две жительницы, крича друг другу из окон домов. А неподалеку бегали дети, пытаясь догнать мячик, скачущий по брусчатке и уносящийся вниз по дороге.

Я совсем потеряла счет дням...

Казалось, я пробыла в Акраксе не меньше месяца, а дома не появлялась еще дольше.

Поднявшись на ноги и поправив накиннутый на голову капюшон, я побрела на звуки торговой улицы. Я обещала Фредерику, который ожидал меня у въезда в город, что вскоре вернусь. Мне надо было побыть в одиночестве, наедине со своими мыслями. Собраться и все обдумать.

Подойдя к прилавкам, я почувствовала какую-то ностальгию при виде яблок в карамели, рука непроизвольно потянулась к карману плаща, вытаскивая позолоченные монеты.

— Одну, пожалуйста.

— Что вы, госпожа. Возьмите. Возьмите просто так, — в благоговении застыла торговка, сразу распознав во мне даэва. — Не надо денег.

Я посмотрела на ее одежду — местами потрепанную, на длинной юбке даже имелась заплатка. Рынок будто утратил свой привычный жизненный ритм — притих, повисла настороженность.

— Так не пойдет. — Забирая лакомство, я положила монету на бочку, из которой и был сооружен маленький прилавок.

Отошла, сжимая попку. Есть не хотелось, но я не смогла пройти мимо. Всегда на подобных рынках ноги сами вели меня к прилавкам с уличной едой. Айвен

смеялась над этой привычкой, ведь, купив, я так и не съедала лакомство, а просто носила с собой. Не могла притронуться, словно что-то останавливало меня. Наверное, воспоминания об отце были тому виной.

Наткнувшись взглядом на лавку с широкими распахнутыми окнами, я замерла, инстинктивно поправляя белую полупрозрачную ткань, сложенную в два слоя и закрывающую лицо. Одного капюшона было мало, чтобы полностью скрыть облик.

Это оказался магазин художника, на стенах которого в ряд висели картины, а под ними стояли полки с менее качественными репродукциями. Если бы я не увидела подпись, то себя бы и не узнала. У девушки на всех изображениях было разное выражение лица. То она выглядела мрачно и пугающе, то тепло улыбалась, то застывала в крике. Все эти метаморфозы напроочь убивали схожесть со мной.

Коллекция Люция явно собиралась с особой тщательностью, ведь на большинстве работ я смогла узнать себя.

Но здесь...

Я отвлеклась, едва не вздрогнув, когда маленькая черная птица приземлилась на плечо. Она посмотрела в сторону, куда был устремлен мой взор, и нахохлилась, подпрыгивая на одном месте, а потом словно оцепенела, превратившись во внимательного слушателя.

— Госпожа! — Хозяин лавки, юркий худой мужичок, подскочил, отвешивая поклон до земли. — Что привело вас?

Он отступил на шаг, опустив голову и глядя себе под ноги.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Нет. Я просто прогуливаюсь, не обращайтесь на меня внимания, — произнесла я. В прежние годы давы были столь привычным явлением в Сороле, что никого не волновали. Из-за близости обители Сорель местные жители не опасались нас и не так сильно страшились нашей магии.

Но все изменилось... Как меняется направление ветра с теплого южного на ледящий северный.

— Может, вы желаете купить обереги? — показал он на портреты, развешенные на стенах помещения по ту сторону окна. — Есть защищающие от скверны, но вас это, наверное, мало интересует. Может, отгоняющие дурные сны? Самоотверженная Сара избавит вас от кошмаров.

— Она даже себя от них избавить не могла... — Наличие такого талисмана вызвало лишь больше недоверия.

— Вы были с ней знакомы? — Лицо хозяина просветлело, он поднял голову, во все глаза смотря на меня, в его голосе звучала надежда. Его совсем не волновало мое замечание.

— Немного, — с неохотой выдавила я. Это же не называть ложью, верно? Ведь я и есть Сара. Хотя вполне возможно быть не знакомой с самой собой. Не знать саму себя — совсем не редкое явление...

Я запуталась в собственных мыслях.

— Я видел ее издали однажды, много лет назад, когда был еще мальчишкой. И что удивительно... — Мужчина тихо рассмеялся, растеряв всю свою настороженность и расслабившись. — Она, прямо как и вы, держала в руке палочку с яблоком! — Заметив, что я не разделаю его веселья, продавец подобрался и добавил: — Раз вам не нужен оберег, отгоняющий дурные сны, то возьмите амулет на счастье.

Мужчина запустил руку в карман пиджака, вытаскивая связку тонких золотых нитей, что были нарезаны на равные кусочки. Отделив одну, протянул мне:

— Поважите на эфес своего оружия, и судьба будет вам благоволить. Символизирует волос удачи. Очень сильный оберег. Не пожалеете. — Владелец лавки склонился ко мне, едва слышно прошептав: — Извините меня за наглость, но сам Проклятый Черный Змей в это когда-то верил. Говорят, в наше время талисман обратился против него и теперь он не рискует

подойти к тем, кто использует его. — Заглянув в мои потемневшие глаза, он отпрянул: — Что с вами? Я сказал что-то неправильное?

— Нет. Все хорошо. Я просто... кхм... удивилась, — не сразу нашла я подходящее слово. Поразительно, что даже та нелепая история оказалась в народе.

Мужчина растерянно стоял, так и сжимая в руках нити. Вид у него был перепуганный. Он боялся, что разозлил меня.

Я нахмурилась. Пусть город мало изменился, но люди стали иными.

— Пожалуй, возьму один, — чтобы хоть как-то подбодрить хозяина заведения, произнесла я. Лицо его прояснилось, он протянул мне нить и выжидательно уставился на меня. — После повяжу, — пообещала я, помня предупреждение Фредерика о моем мече.

Пусть людей, помнящих меня в лицо, осталось мало, а портреты зачастую не походили на оригинал, но вот Туманный с выгравированными на эфесе лозами и виноградными листьями изображали весьма точно, как и медальон, оставшийся мне от отца. Украшение вообще стало загадкой — тех, кто его видел и до сих пор был жив, я могла пересчитать по пальцам одной руки. Вступив в орден, я всегда носила его под одеждой, а если и доставала, то только в кругу близких. В кругу, который исчислялся моим братом, Айвен и Долорес, бабушкой Фредерика.

Но если даже та глупая история с волосом стала всеобщим достоянием... С какой же тщательностью люди собирали эти рассказы? Здесь не обошлось без влияния даэвов. Кто-то помогал расти вере в Самоотверженную Сару, раз за разом подпитывая ее новыми подробностями.

Эта вера не появилась сама собой. И я не могла решить, что именно не понравилось мне больше: сам факт ее существования или то, что светлые стражи приложили к этому руку.

Кое-как вручив торговцу деньги, я собралась уйти, когда мужчина восхитился:

— Эта птичка привязалась к вам. Как необычно!

— Она за мной следит, — призналась я, а мужчина улыбнулся, приняв это за шутку.

Но я-то знала, о чем говорила: с тех пор как птица села на мое плечо, кольцо Морана холодило кожу, как и само теневое существо, выглядевшее настолько реально, что никто из простых людей не мог распознать его сути.

И украшение, и птица были неразрывно связаны одной и той же силой. Силой, что принадлежала диву. И не зря меня не покидало ощущение чужой магии, даже когда я оказалась в Тронге. Пусть я оставила крепость Северного ордена позади, но частица Люция последовала за мной и никак не желала исчезать, ведь перстень не снимался. Лишь прокручивался на пальце и даже после настойчивых попыток убрать его с руки втягивался в палец, оставаясь на коже тонкой темной полосой.

Но Люций никак не мог оказаться в Сороле — когда я сбежала, нас разделяло слишком большое расстояние, которое должно было лишь увеличиться, учитывая ту спешку, с которой мы путешествовали все это время. По всему выходило, что Моран все еще находился где-то далеко, но вот его теневая сила, благодаря реликвии, смогла разыскать меня даже в Третьем королевстве.

Если только в его распоряжении не оказалась магия, подобная той, которую использовали мы с Фредериком. Но эта печать древняя и редкая, поэтому я сомневалась, что в мире существовала вторая подобная. Семья Сорель очень тщательно охраняла свое сокровище, и если бы не брат, даже я бы о ней не узнала.

Подобное колдовство отнимало огромное количество сил, так что еще пару дней магические знаки выходили донельзя слабыми, а в теле поселялось бессилие. Не шло и речи, чтобы сотворить две подряд.

Правда, почему-то в этот раз все было иначе — никаких побочных эффектов.

Но лишь для меня...

Фредерика колдовство подкосило. Все эти дни в пути ему было тяжело держаться в седле. Пусть он это явно не показывал, но я-то все замечала. Поэтому без лишних разговоров, когда мы оказались на землях Исонии, согласилась пересесть в экипаж, хотя с большим желанием продолжила бы ехать верхом. Но мы уже оказались достаточно далеко от Акракса, чтобы не переживать о погоне.

Перед тем как отправиться следом, Морану предстояло вернуться из Кервеля, окруженного Мертвым лесом. Майя не умела ездить на лошади, это тоже наверняка замедлило их путь, если, конечно, Люций не бросил их и не отправился дальше в одиночку.

Я нахмурилась, чувствуя угрызения совести, как и каждый раз, когда вспоминала о Майе. Вернувшись в свое тело, я еще некоторое время ощущала эмоции девушки — она перепугалась из-за неожиданного перемещения. Но достаточно быстро успокоилась, хотя ее чувства еще долго пребывали в сумятице, словно подхваченные ураганом.

Смятение, растерянность, легкий страх и неумное любопытство.

Я плохо управлялась с новым даром, следовало возвращать его постепенно, как я уже делала когда-то. Поэтому, отвлекшись, я очень быстро потеряла связь между нами и не смогла отыскать ее заново.

В отличие от меня Люций мог использовать маяк — перстень на моем пальце, что позволил силе воплощения отыскать меня даже на таком огромном расстоянии. Но до этих пор, пока я была не одна, див ничем не выдавал себя. Открылся лишь теперь, когда появилась возможность. Намеренно напомнил о себе. Хотя я и не забывала о нем. Уверена, что и это не было для него секретом.

«Никому из них не верь...»

Каждый раз, разговаривая с Фредериком, я словно наяву слышала последние слова Морана. Порою они звучали точно строчка из песни, а в другое время были подобны шепоту на задворках сознания.

Я бы соврала самой себе, если бы не признала, что на душе стало спокойнее, когда я увидела тенью птицу. Она напоминала, что я никогда не была одна. Хотя привязанность Люция ко мне вызывала вопросы. И еще большей загадкой было то, что я стала ощущать нечто подобное и к нему.

Но, не покинув северные земли, я бы не смогла во всем разобраться. И я скучала по родным. По дому, где провела юность и который хранил воспоминания о Долорес, вырастившей меня. Лишь там я могла отыскать все ответы.

— Так ты ожидал моего побега... — прошептала я негромко, обращаясь к птице на своем плече.

«Если желаешь уйти, уходи. Я могу подождать еще...» — вновь вспомнила я наше прощание. Это воспоминание заставило смутиться, и взгляд мой заметался по витринам магазинов в поисках того, на что можно отвлечься.

И я нашла. Остановилась у лавки портнихи, где за широким окном на натянутых веревках висели длинные отрезки ткани. Напротив же находились готовые изделия — в основном повседневная одежда, что-то понаряднее обычно шили на заказ. Мантии даэвов же всегда изготавливали в столице, порою даже в королевском дворце, хотя это всегда зависело от благосклонности нынешнего правителя.

Я вошла внутрь. Под ногами скрипнули половицы. Из окна под потолком лился свет, которого хватало, чтобы швеи занимались своим делом. Сами работницы сидели за длинным, занимающим половину помещения столом, на котором покоилось полуготовое изделие.

Одна женщина — самая взрослая — отложила работу и быстро подошла ко мне, шурша юбкой. Попривет-

ствовав, спросила, чем может помочь. Все это время она косилась то на меня, то на птицу на плече, что и не думала покидать своего места.

— Вы шьете перчатки? Меня интересует готовый товар, — спросила я, ни на что не надеясь. Перчатки носили разве что аристократы. А в Сороле только управляющая семья принадлежала к высшему сословию.

Женщина задумалась, разглаживая незаметные складки на юбке. Ее сотрудницы, на время прекратив работу, вытянули шеи, наблюдая за происходящим. В лавке воцарилась звенящая тишина.

Но, заметив мой взгляд, женщины стремительно вернулись к шитью. А лицо главной портнихи вдруг оживилось, на нем отразилось нетерпение и возмущенность. Она кинулась к стеллажам, где хранились темно-серые коробки разных размеров. Длина нескольких достигала половины человеческого роста, а другие были едва больше раскрытой ладони.

Она некоторое время копошилась, перекладывая их, пока не достала одну, уже успевшую запылиться. Сдувая пыль, кинулась ко мне и, открыв крышку, положила изделие тонкой работы на стол.

Я смотрела на перчатки, испытывая смешанные чувства. Сшиты они были аккуратно — длинные, почти до локтя, но из неплотной дышащей ткани, так что в них не должно было быть жарко. Взяв их в руки, я внимательнее их разглядела. На одной из перчаток с внешней стороны начиналась вышивка серебряной нитью — миниатюрные виноградные листья вились по направлению к запястью и оплетали его.

Они выглядели так, точно шились в пару к Туманному. Очередная случайность.

— Белых у вас нет? — спросила, и так зная ответ.

— К сожалению, нет. Остались только такие, серые, — ответила женщина растерянно. Было везением уже то, что у них отыскалась хоть одна пара. Но серые?..

Как и вышитые виноградные листья, оттенок ткани нес в себе особый смысл. Бытие словно говорило мне: «Привыкай и смирись. Теперь света и тьмы в тебе ровно поровну».

— Хорошо, — вздохнула. — Я возьму их. Не заворачивайте.

Расплатившись, я сразу же надела перчатки, на время передав карамельное лакомство портнихе, и лишь потом покинула лавку. Кольцо теневого дива спряталось под материей.

Когда я оказалась в своем теле, вернулась проблема прикосновений. Как когда-то мне тяжело было отгородиться от чужих эмоций, так теперь моя душа так и норовила упорхнуть, поменявшись местами с новой жертвой.

И менее всего на свете меня прельщала перспектива оказаться в мужском обличье. Но в то же время в голове не раз промелькнула мысль: как быстро кто-нибудь распознает обман?

— Я возвращаюсь к карете. И тебе лучше не показываться им на глаза. В отличие от простых людей они сразу поймут, *что* ты такое, — произнесла я.

Птица некоторое время упрямо сидела на моем плече и вспорхнула, лишь когда на другом конце улицы показалась карета. Точно призрак. В какой-то степени она им и была.

Я проводила взглядом черную точку, что стремительно исчезала в небе, и направилась к экипажу, окруженному несколькими даэвами на лошадях. Эскорт, которому мог бы позавидовать даже король Исонии.

Светлые даэвы. Воины, защищающие мир. В детстве я считала их героями, а потом сама стала одной из них.

Но остались ли они героями? Это вопрос.

Дверца кареты отворилась, а я, скидывая капюшон, зашла внутрь.

Внутри на бархатных подушках глубокого синего цвета сидел див в белом. Фредерик отнял ладонь, ко-

торой задумчиво подпирал подбородок, и взглянул на меня. Проницательные глаза цвета корицы будто постоянно искали что-то во мне. Но, к лучшему или нет, пока не находили.

Каждый раз, когда я смотрела в его лицо, что стало старше, мое сердце тяжелело. Я постоянно подмечала изменения в мужественных чертах — возраст отточил его красоту. Глаза, губы, скулы... А из-под ворота его мантии выглядывал краешек звезды — видимо, на ключицах уже не оставалось места, и знаки отличия теснились к шее.

Фредерик проследил за моим взглядом. Улыбнулся, когда заметил, что я вновь, как в былые времена, прихватила сладость с рынка. Спросил:

— Ты в порядке?

— В порядке, — отозвалась я, перед тем как сесть напротив, по старой привычке передавая яблоки брату. Осеклась, вспомнив, что передо мной глава светлого ордена, а вовсе не тот молодой парень, которым он был раньше. Но прежде чем я убрала руку, див принял случайный подарок. — Спасибо за остановку. Мне было это нужно.

Он понимающе кивнул, а я вспомнила, как мы бродили по лесу еще подростками. И что именно Фредерик первый показал мне, как правильно держать меч. Долорес, его бабушка, уже тогда была слишком слаба, чтобы обучать меня бою.

«Как я могу в нем сомневаться?» — в который раз спросила я себя, чувствуя угрызения совести. Но в то же время отделаться от сомнений не могла, да и не собиралась. Пока не пойму, что на самом деле произошло двадцать семь лет назад.

Нет ничего глупее на свете, чем из-за трусости закрывать глаза, предпочитая правде слепоту.

Экипаж тронулся с места, а я непроизвольно достала из-под одежды кулон.

Полумесяц загадочно сверкнул. Косой луч солнца, проникший в экипаж между шторок занавешенного

окна, заставлял серебро сиять, тогда как на цепочке, наоборот, не появлялось ни одного блика.

Зажав украшение меж пальцев, я задумчиво рассматривала его. Мой взгляд постоянно перетекал к худым изящным запястьям, что каждый раз напоминали — я вернулась. Вернулась в свое тело.

— Не волнуйся, — произнес Фредерик.

Он заметно расслабился с тех пор, когда мы пересекли границу с Феросией и Исонией.

— Я не волнуюсь, — ответила я, и не соврала, хотя это уже перестало быть редкостью. Скорее, я была напряжена. Прошло почти три десятка лет.

И больше всего меня настораживало то, как сильно порою брат напоминал своего отца. Тон голоса, которым он разговаривал с остальными... Беспристрастный, жесткий, немного высокомерный. Я всегда считала, что он станет иным главой. Хотя все еще мало видела, чтобы судить.

Но со мной он обращался совершенно иначе. Его взгляд теплел, навевая старые воспоминания. И тогда все сомнения казались глупостями.

Фредерик пригладил золотые локоны, отодвинул край занавески и сложил руки на груди, пряча ладони в широких рукавах мантии. Его лицо стало серьезным.

— Мне жаль, что все так произошло. Если бы я с самого начала знал, что ты жива... — в который раз заговорил он, будто коря себя.

— Фредерик, мы уже говорили об этом. Зачем вновь себя мучить? — почти прошептала я, вспоминая его речи в гостинице в Тронге.

На самом деле за эти дни выдалось мало времени для разговоров, мы либо гнали лошадей, либо рядом постоянно был кто-то посторонний. До тех пор пока мы оставались на вражеских землях, даэвы охраняли главу ордена, не отходя от него ни на шаг.

Я отпустила кулон, ощущая, как кольнуло холодом кольцо на пальце. Оно холодело всегда, когда Фреде-

рик говорил. Будто выражая презрение своего настоящего хозяина.

— У тебя появились жена и дети? — вдруг спросила я. Фредерик сглотнул и, выдохнув, сухо подтвердил:

— Да.

— Что-то не так? — Его реакция показалась мне странной.

— Да нет. Все хорошо, Сара. Просто есть более важные вещи, о которых нам стоило бы поговорить.

— Возможно. Но и о своей племяннице или племяннике я бы тоже хотела знать.

Учась в Академии, я не задумывалась о времени, когда у Фредерика появится семья. Но не успела оглянуться, и это произошло, как и многое другое.

— Ты скоро увидишь их своими глазами. У меня сын и дочь. Мне и рассказывать не придется... Ты купила в городе перчатки? — Он посмотрел на мои руки. — Ты не нуждалась в них с самого детства.

— Верно, — согласилась я, позволив сменить тему. — Но кое-что изменилось. Мой дар стал иным.

— Да, Сезар рассказывал о том, что ты была в чужом теле. Я сначала не поверил. Но это Сезар. Он бы не повел себя легкомысленно ни в чем, что касается тебя. — Голос Фредерика прозвучал серьезно, немного отстраненно и небрежно. — Значит, это благодаря твоей силе вы поменялись местами? Она так изменилась?

Я перевела взгляд на свои ладони и вновь подняла на брата.

— Не знаю. Пока я ничего не понимаю. Но собираюсь с этим разобраться, — соврала я, стараясь говорить предельно твердо, как раньше. — Но эмоций у меня стало гораздо больше, теперь дар не отнимает их так, как прежде. По крайней мере, не отнимает так много.

— Ты этим недовольна? — проявил Фредерик пронырливость.

— В некоей степени. Без эмоций проще... Легче принимать решения. То, что было у меня раньше, не имело столько оттенков.

«Без чувств легче жить...» — по привычке добавила про себя.

— Почему мне поклоняются? — спросила я, внимательно изучая лицо брата.

Фредерик вздохнул:

— Нам нужен был кто-то, чтобы оправдать случившееся. Новый раскол — это трагедия. Люди жаждали красивой истории, а не жалкого оправдания, что один из нас просто сошел с ума.

— Сошел с ума? — повторила я за ним. — Люций не показался мне сумасшедшим.

— Ты его совсем не знаешь, Сара. Не стоит верить тому, кто три десятка лет упражнялся во лжи и пытался посеять смуту в королевствах. Благодаря ему настоящий король Акракса мертв, а самозванец, что потакает его прихотям, сидит на троне, — жестко произнес Фредерик. Его скулы напряглись, праведный гнев запылал в глазах. Но див быстро взял себя в руки. — Когда вы нашли кристаллы, то никто сразу и не понял, что они из себя представляют. Прошло несколько месяцев, прежде чем появились первые догадки.

— Сердца богов.

— Верно, — кивнул он со странным выражением лица. — Ты помнишь?

— Нет. Люций Моран рассказал мне об этом.

Имя, произнесенное вслух, заставило Фредерика вновь напрячься. Но лишь его застывшая на миг фигура стала тому свидетельством. За прошедшие годы мой брат слишком хорошо научился держать себя в руках.

— Значит, он рассказал и о том, что его орден собирался напасть на наш?

Слова Фредерика прозвучали слишком невероятно. Пусть светлые и теньевые не жили в полном согласии, но точно не нападали друг на друга. По крайней мере, еще никогда в истории два крупнейших ордена не начинали войну.

— Отец был в гневе. Наши воины встретились на месте, где ныне существует портал. Мы победили. Но

под конец битвы появился Люций Моран — увидев, что стало с его орденом, он переступил грань и открыл портал. Находясь в объятьях тьмы, Моран не пожалел никого.

Он замолчал, тяжело взирая на меня. Ожидая реакции. Ожидая хоть чего-то, кроме равнодушия.

— Что с твоей рукой? — Его взгляд коснулся моей ладони, которую я инстинктивно сжала в кулак, прижимая к коленям.

— Ничего. Просто ломит, — ответила, борясь с холодом кольца, которое будто задумало лишить меня пальца. Стоило сказать, и мороз отступил, а я глубоко вдохнула.

Подарок Морана имел еще одну примечательную особенность, которую я обнаружила далеко не сразу. Поначалу меня удивило отсутствие вопросов от брата, ведь кольцо было темным, и любому даэву потребовался бы лишь взгляд, чтобы это понять. Но когда Фредерик случайно застал меня за попыткой избавиться от кольца, я наконец-то все поняла — он не видел магический перстень на моем пальце.

— Как тогда? — красноречиво произнес он, напоминая о моем нелепом оправдании.

От надобности отвечать меня избавил негромкий скрип — отворяли главные ворота. И стоило экипажу сдвинуться с места и проехать чуть вперед, как зазвонил колокол. Звон прозвучал словно гром среди ясного неба.

Фредерик озадаченно нахмурился.

Один колокол затих, и на смену ему пришел другой. Я прикрыла глаза, сохраняя видимую невозмутимость. Я лишь недавно вспомнила про магические колокола, развешенные по всей обители, — они звенели, когда вблизи появлялась темная магия. Будь то монстр, артефакт, теневой див или та, кем я стала теперь, — не важно. Они реагировали даже на крупницы несветлой магии.

Снаружи послышался шум.

— Почему они звенят? — прямо спросил брат, догадываясь, что причина как-то связана со мной. — Ты что-то взяла с собой из Северного ордена?

Пусть сказано было невозмутимо, но в его тоне мне все равно послышалось подозрение. Будто он сомневался. Сомневался во мне.

Это расстраивало.

Я инстинктивно прикоснулась к ножнам, в которых покоился Туманный, набираясь спокойствия, следуя своей привычке, ставшей ритуалом.

— Они реагируют на меня, — призналась я, не поднимая взора. — На магию тьмы, что заключена во мне.

Полуправда — почти что ложь. Но о наличии кольца, которое тоже было одной из причин тревоги в Светлой обители, я решила умолчать. Настороженность не позволяла мне полностью довериться даже своим. Лишь когда избавлюсь от сомнений...

— Магия тьмы? — Голос Фредерика прозвучал низко. Было слышно, как он шумно и напряженно втянул воздух через нос.

— Да. Из-за того, что я упала в раскол, — пояснила я, так и не желая видеть лица брата.

Тень теперь стала частью меня, а светлые, так гордящиеся своим происхождением, вряд ли примут это. Их ожившая святая отнюдь не так непорочна.

подавшись вперед, я отодвинула шторку из ткани цвета индиго, увидев белые стены и купола, усеивающие обитель Сорель. Свет закатного солнца золотом обволакивал камень, играя песочными оттенками с примесью легкой розовизны цветков яблони, распускающихся по весне.

Все вокруг напоминало мне о прошлом. О годах, проведенных в этих стенах, и о Долорес, тратившей так много времени на мое обучение. Она умерла, а я пропала на четверть века, но до сих пор жалела, что не успела на погребальный ритуал.

«Я...» — попыталась вспомнить, ухватившись за чувство горечи, всколыхнувшееся в сердце.

Виски заломило. Я прикрыла веки, терпя эту боль.

«Я не успела?» — подумала неуверенно, ведь те воспоминания, как и многие другие, оставались в тени.

Картины прошлого неожиданно предстали перед глазами. Они буйным потоком увлекли за собой во вновь начавшую рассеиваться тьму...